

За все время съемок режиссер У впервые вышел из себя настолько сильно. Стоило ему лишь походя обвести взглядом площадку, как зеваки, жаждавшие зрелищ, бросились врассыпную быстрее кроликов. Каждый спешно принялся изображать бурную деятельность, лишь бы не попасть под горячую руку, однако уши все держали остро, жадно ловя любые отголоски скандала.

Дай Ван даже не шелохнулся. Се Шуи со вздохом подошел к Ван Лэю и уткнулся в сценарий, который и без того знал назубок, делая вид, что увлеченно его изучает. Не стоит спрашивать, почему он не попытался вмешаться и позволил режиссеру прилюдно распекать актрису. При всей своей мягкости, Се Шуи не был бесхребетным добряком. Все утро ему приходилось раз за разом отыгрывать один и тот же дубль, из-за чего он успел влить в себя столько кофе, что тот уже плескался в желудке. В такой ситуации любой бы потерял терпение.

Дай Ван еще утром предлагал заменить кофе обычной водой, но Се Шуи отказался — в сцене планировался крупный план чашки, где подмена была бы заметна. И вот теперь Шуи осушил уже три чашки подряд. Мало того что он только-только поправился и лишняя нагрузка на организм была ни к чему, так этот кофе еще и оказался самым дешевым и невыносимо горьким. Дай Ван даже на расстоянии чувствовал исходивший от юноши терпкий запах растворимой бурды. Шуи терпеть не мог горечь, и в обычное время наверняка не сделал бы и глотка.

Се Шуи и правда изнывал от противного привкуса во рту, поэтому без лишних слов принял стакан и благодарно сделал несколько глотков. Стоявший рядом Ван Лэй мысленно проклинал себя за недогадливость. Как он, личный ассистент, упустил из виду такую простую вещь, заставив великого киноактера Дая выполнять его работу? В этот момент Ван Лэй всерьез задумался, не слишком ли халатно он относится к своим обязанностям.

С того самого дня Ван Лэй словно переродился. Куда бы они ни направлялись, он продумывал все до мельчайших деталей и таскал с собой целый арсенал полезных мелочей, лишая Дай Вана малейшей возможности проявить заботу. Киноактер Дай в ответ несколько дней подряд одаривал беднягу ледяными взглядами, а тот изнывал от тревоги, искренне не понимая, чем успел прогневать знаменитость. Впрочем, это уже совсем другая история.

Спустя долгие десять минут режиссер У наконец остыл. Одарив Сюй Ваньин тяжелым взглядом, он скомандовал продолжить работу. Несчастливая актриса, привыкшая считать себя признанной красавицей, рыдала в три ручья, но никто даже не подумал подойти и утешить ее. Она сиротливо стояла посреди съемочной площадки, пока окружающие старательно обходили ее стороной.

Гримерша попыталась поправить макияж, но безуспешно: Сюй Ваньин плакала так горько, что тушь и тональный крем потекли грязными ручьями, оставляя на лице темные разводы. Выглядело это зрелище поистине жалко.

Ван Си сделала пару штрихов кистью, но работать в таких условиях было невозможно. К тому же актриса наотрез отказывалась закрывать глаза, и гримерша случайно задела ее веко спонжем. Сюй Ваньин, и без того взвинченная до предела, мгновенно ухватилась за повод

выместить злость. Она замахнулась, намереваясь влечь Ван Си пощечину, и истошно завизжала:

— Пошла вон! Ты вообще красить умеешь или решила меня ослепить?! Тварь! Думаешь, раз все на меня ополчились, так и тебе можно?!

Однако ее ладонь так и не опустилась на лицо гримерши. Дай Ван перехватил занесенную руку на полпути, мертвой хваткой сжав тонкое запястье, а затем брезгливо отшвырнул его в сторону, точно прикоснулся к ядовитому гаду.

— Кто дал тебе право распускать руки на площадке? — его голос так и сочился ледяным презрением. — Работать собираешься или прямо сейчас катишься на все четыре стороны?

Дай Вана эта нелепая выходка окончательно вывела из равновесия. Он повидал немало капризных звезд, но устраивать подобные истерики прямо у него под носом — это было верхом безрассудства. В коллективе до ее появления царил прекрасная атмосфера, а эта девица за пару дней успела превратить съемки в балаган. Неужели ей так не терпится попасть в скандальные заголовки? На ее репутацию Дай Вану было плевать, но этот проект он готовил как подарок для одного особенного человека и не желал, чтобы у будущих зрителей фильм ассоциировался с грязными склоками.

Режиссер У, только-только устроившийся в своем кресле со сценарием в руках, обернулся на шум. Едва утихнувший гнев вспыхнул с новой силой.

— Твою мать! Ты карьеру закончить решила?! Распускать руки на моих съемках?! Даю тебе три минуты, чтобы привести лицо в порядок и вернуться в кадр. Либо проваливай отсюда к чертям собачьим!

После этого окрика Сюй Ваньин мигом перестала плакать и принялась судорожно утирать щеки. Но замять конфликт с Ван Си, которая едва не получила пощечину, оказалось непросто. Актриса несколько раз открывала рот, пытаясь выдать хоть какое-то подобие извинения, но так и не смогла проронить ни звука. Она замерла, сгорая от стыда под прицелом десятков глаз.

Ван Си тоже была девушкой с характером и спускать обиды не собиралась. Раз уж эта фифа распускает руки — пусть красится сама.

Обе стороны упрямо молчали, не желая уступать. Площадка замерла в предвкушении зрелища; многие из тех, кто давно недолюбливал капризную □□□□□□□□, откровенно злорадствовали. В конце концов Се Шуи, которому надоел этот затянувшийся балаган, мягко вмешался и замолвил словечко перед Ван Си. К Шуи на площадке относились с уважением, поэтому гримерша не стала упорствовать и вернулась к работе. Впрочем, дружелюбия в ее движениях не прибавилось: она орудовала кистями и спонжем так размашисто и грубо, что итоговый макияж... хм, оставлял желать лучшего.

Сюй Ваньин изнывала от обиды, но устраивать новые сцены не смела. Ее менеджер то и дело сверлил ее яростным взглядом, безмолвно требуя принести извинения, а когда она проигнорировала этот безмолвный приказ, его лицо и вовсе потемнело от гнева.

Она тайком поглядывала на Се Шуи, который стоял неподалеку и беседовал с Дай Ваном, и на душе у нее становилось все теплее.

«Раз уж этот парень заступился за меня, значит, он определенно к мне неравнодушен, — мысленно планировала она. — Нужно будет подойти после съемок, поблагодарить и невзначай выпросить его WeChat. С его-то смазливym личиком... Пускай он пока никто в индустрии и не поможет мне подняться в тренды, но немного развлечься с таким красавчиком точно не помешает!»

Сюй Ваньин предавалась сладким фантазиям, даже не подозревая, какую реакцию вызвали бы ее помыслы у самого Се Шуи. Узнай он, о чем мечтает эта девица, наверняка рассмеялся бы от злости.

Тем временем Се Шуи пытался объяснить с Дай Ваном. Точнее, оправдывался в одностороннем порядке: киноактер Дай был явно взбешен тем, что Шуи заступился за Сюй Ваньин. Стоило юноше закончить фразу, как Дай Ван помрачнел пуще прежнего и бесцеремонно утащил его за собой в сторону.

— Тебе действительно нравится подобный сорт людей? — процедил Дай Ван, едва сдерживая клокочущий гнев.

Его тон и резкие слова красноречиво выдавали крайнюю степень недовольства. Се Шуи, которого так внезапно уволокли с площадки, растерянно моргнул, совершенно не понимая причин этой вспышки.

— Что?

— Да эта девица, — Дай Ван соизволил бросить брезгливый взгляд в сторону Сюй Ваньин, после чего выдал еще более ядовитую тираду: — Фигура несуразная, грудь колесом, а в голове пустота. Волосы длинные, да ум короткий, только и умеет, что вешаться на каждого встречного. И тебе... нравится вот это?

Тон был вопросительным, но взгляд выражал такое глубокое отвращение, словно утвердительный ответ Се Шуи означал бы его полную слепоту или окончательное помешательство.

У Се Шуи от этих слов голова пошла кругом. Ну что за нелепость! Да он скорее сойдет с ума, чем посмотрит на эту женщину. Он всего лишь хотел, чтобы из-за капризов одной актрисы не простаивала вся съемочная группа, а его записали в ее поклонники. Какая несправедливость! В конце концов, Дай Ван сам только что перехватил руку Сюй Ваньин, спасая гримершу, и Шуи

ведь не устраивал ему сцен ревности. Се Шуи почувствовал, как в груди закипает глухое раздражение.

Спустя десять минут, когда суматоха улеглась, съемки возобновились. До полусмерти напуганная криками режиссера, Сюй Ваньин наконец поумерила свой пыл и перестала откровенно кривляться перед камерой. Кадр выстраивался вполне сносно, если бы не ее скрытые провокации. Она то и дело пускала в ход мелкие уловки: то якобы случайно задевала ладонь Се Шуи, то под столом касалась его ноги носком своей туфельки. Все эти жесты происходили молниеносно и оставались в слепой зоне для объектива камеры, поэтому У Юй, хоть и сидел мрачнее тучи, команду «стоп» не давал.

Однако у самого края площадки образовалась настоящая мертвая зона, куда никто из персонала не решался приближаться. От фигуры Дай Вана веяло такой зловещей, ледяной аурой, что воздух вокруг него словно застыл. Он не сводил тяжелого, немигающего взгляда с шальных рук и ног Сюй Ваньин, и никто не мог угадать, какие мрачные мысли роились в этот момент в его голове.

С грехом пополам дубль все же удалось завершить. Се Шуи уже вовсю раскаивался, что вообще полез заступаться за эту девицу: из-за ее грязных уловок он несколько раз едва не запорол собственную игру, выпадая из образа в самый неподходящий момент.

Едва прозвучала команда режиссера, Се Шуи поспешил отойти от Сюй Ваньин как можно дальше. В следующей сцене им предстояло играть втроем, поэтому юноша сразу направился к Дай Вану. Он намеревался предупредить коллегу о наглом поведении актрисы, но не успел раскрыть рта: Дай Ван резким движением схватил его за запястье, вытащил салфетку и принялся с ожесточением тереть его ладонь.

Се Шуи не понимал, какой бес в него вселился. Из-за клокочущей злости Дай Ван действовал слишком грубо, но Шуи не сопротивлялся, покорно ожидая, пока кожа на руке не начнет гореть и не пойдет красными пятнами.

— Чтобы по возвращении в отель сразу же пошел в душ! — Дай Ван скомкал салфетку, швырнул ее в урну и все еще недовольно надулся.

— Ладно... — тихо отозвался Шуи. Он и сам собирался смыть с себя эту грязь, даже без чужих напоминаний.

Прозвучала команда к началу второй сцены. Дай Ван толкнул дверь и вошел в объектив камеры.

По сюжету его персонаж, Сун Минъя, разыскивал Линь Шу. Разузнав дорогу, он приходил в кофейню и заставлял там У Тинтин, которая бесцеремонно вцеплялась в Линь Шу, устраивая очередную сцену. Разъяренный герой должен был подлететь к навязчивой девице и отвесить ей хлесткую пощечину, от которой та рухнет на пол. Следом ему полагалось жестко отрезать, что он никогда в жизни не свяжет с ней свою судьбу, и велеть убираться прочь.

Для Дай Вана этот эпизод обещал стать самым легким во всем сценарии. Чистейшей воды игра самого себя!

Стоило ему переступить порог кофейни, как его взору предстала Сюй Ваньин, липнущая к Се Шуи. В глазах Дай Вана на долю секунды промелькнуло беспокойство. Убедившись, что с Шуи все в порядке, он перевел взгляд на стоявшую рядом девицу, и тревога мгновенно сменилась волной ледящего отвращения.

Он стремительно двинулся вперед. По сценарию Дай Ван должен был сначала грубо оттолкнуть Сюй Ваньин от партнера и только потом замахнуться для удара. Актриса уже распланировала свои движения: стоило ему прикоснуться к ней, как она бы подыграла, симитировав падение. Обычный сценический прием с использованием ракурса камеры — стандартная уловка для киноэкрана.

Однако Дай Ван даже не подумал братья за ее плечи. Молниеносным, неуловимым движением он наотмашь вклепил ей оглушительную, настоящую пощечину.

Хлесткий звук удара эхом прокатился по площадке, заставив присутствующих невольно содрогнуться. Сюй Ваньин повалилась на пол, в полном шоке прижимая ладонь к лицу. Дай Ван приложился от души — сила пощечины буквально сбила ее с ног.

— Да что ты творишь?!

Пожалуй, эта реплика стала лучшей во всей роли Сюй Ваньин. В конце концов, здесь не было ни капли фальши — только чистая, неподдельная боль от вполне реального удара.

<http://bllate.org/book/20697/2141077>